

На правах рукописи

Цзюй Куньи

**«Харбинский текст» несказочной (исторической) прозы первой половины
XX в.: прагматика, семантика, жанрово-тематическое своеобразие**

Специальность: 5.9.4. Фольклористика (филологические науки)

АВТОРЕФЕРАТ

диссертации на соискание учёной степени

кандидата филологических наук

Москва, 2023

Работа выполнена на кафедре литературы и мировой художественной культуры Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Амурский государственный университет».

Научный руководитель:

Забияко Анна Анатольевна, доктор филологических наук, профессор кафедры литературы и мировой художественной культуры Федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего образования «Амурский государственный университет»

Официальные оппоненты:

Козлова Наталья Константиновна, доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры литературы и культурологии Омского государственного педагогического университета

Головачев Валентин Цуньлиевич, кандидат исторических наук, заместитель директора по научной работе Института востоковедения Российской академии наук

Ведущая организация:

Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока Дальневосточного отделения Российской академии наук

Защита диссертации состоится «31» мая 2023 г. в 11.00 часов на заседании диссертационного совета 24.1.080.01 на базе ФГБУН «Институт мировой литературы имени А.М. Горького» Российской академии наук по адресу: 121069, г. Москва, ул. Поварская, д. 25а.

С диссертацией можно ознакомиться в научной библиотеке и на сайте Института мировой литературы имени А.М. Горького РАН: https://imli.ru/images/Diss_2023_Jiuy_Kunji/disser.pdf

Автореферат разослан «_____» _____ 2023 г.

Ученый секретарь
диссертационного совета,
к.филол.н.

С.С. Макаров

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА РАБОТЫ

Фольклорный репертуар жителей Харбина начинает складываться с момента основания города, возникшего в 1898 г. на месте узловой станции Китайской Восточной железной дороги. Его жанровый состав формируется под воздействием исторических событий, социокультурных, этнорелигиозных, политических обстоятельств, связанных с освоением русским и китайским населением этого края и самой онтологией дальневосточного порубежья (фронтира)¹. Ядро городского текста фольклора Харбина формируется на основе традиционных классических форм фольклора, но транслируется уже через некий культурный фильтр образованного в своей основе русскоязычного населения.

После окончания «русского этапа» развития Харбина в 1949 г. русское население рассеивается по другим странам и континентам (СССР, Австралия, Америка), китайское трансформируется за счет интенсивного притока в город крестьянского и рабочего населения из других северо-восточных провинций. Зафиксированный в исторических, литературных, публицистических, позднее – мемуарных текстах образ жизни Харбина и его населения становится доступной исследователям только спустя два десятилетия после окончания «культурной революции» в период начавшейся перестройки в СССР.

Фольклорный пласт «харбинского текста» исторической прозы востребуется исследователями лишь в последнее десятилетие – в качестве вспомогательного материала для исторических либо политологических реконструкций. За это время основные носители фольклорной прозы ушли из жизни, остались лишь немногочисленные их потомки. Потому устные рассказы об освоении Северной Маньчжурии, постройке, заселении Харбина и жизни в нем в первой половине XX в. остались в рудиментарной форме в литературно обработанных текстах – как фрагменты былей, сказов, легенд, в качестве «мифологизированного знания» потомков первого поколения харбинских жителей, живущих ныне в основном за пределами Китая, их собственных устных нарративов.

В настоящее время указанные тексты, в своем сложном этнокультурном, этносоциальном, этнорелигиозном единстве и жанровом своеобразии зафиксированные собирателями, составляют уникальную часть «харбинского текста» сказочной прозы первой половины XX в. – как свидетельство социальной, духовной, религиозной, бытовой жизни «Русской Атлантиды» (Э. Штейн).

Актуальность темы исследования определена тем, что оно направлено на изучение «харбинского текста» русской культуры с точки зрения городского фольклора. Несказочная (историческая) проза харбинских жителей как специфический пласт народной культуры и духовного наследия становится

¹ Забияко А.П. Порубежье // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 9: Русские и китайцы: региональные проблемы этнокультурного взаимодействия. Благовещенск, 2010. С. 5–10.

свидетельством этнокультурной самобытности жителей этого многонационального города первой половины XX в.

Следовательно, актуальность темы – в историческом аспекте фольклористического исследования, выраженном в собирании, типологизации, функционировании, трансформации (деформации) жанров и жанровой системы несказочной (исторической) прозы Харбина, отражающих этапы формирования, развития и угасания русской культуры в Харбине. Изучение несказочной (исторической) прозы жителей Харбина указанного периода дает возможность полноценной реконструкции сложных процессов этнической идентификации харбинцев в синхроническом и диахроническом аспектах.

В теоретическом аспекте диссертация затрагивает саму природу устного народного творчества, особенности возникновения, бытования и функционирования отдельных фольклорных жанров, их семантику и прагматику, а также особенности взаимодействия инокультурных традиций (русской/китайской) в образно-тематическом строе, сюжетике и самом жанрообразовании².

В настоящее время осознание ценности устных рассказов жителей Харбина приходит и к китайским исследователям – мемуары (семейные, о повседневной, праздничной, религиозной жизни харбинцев) становятся ценными источниками создания устной истории³. Устные рассказы русских жителей, представляющие семейные мемуары об исходе предков из России, о жизни в русско-китайском окружении и исторических перипетиях XX в., создают не просто личную историю и историю семьи наших рассказчиков, но часть истории русских в Китае как части китайской истории.

Степень научной разработанности проблемы

Базовыми текстологическими, жанрологическими трудами по фольклористике, определившими исследовательскую логику, стали работы Б.Н. Путилова⁴, Е.М. Мелетинского⁵, С.Ю. Неклюдова⁶, Ф.М. Селиванова⁷, Н.И. Толстого, А.А. Панченко, С.Г. Лазутина и др.

Проблемы изучения фольклора в Китае разработаны в исследованиях китайских ученых У Бинаня⁸, Тао Липаня⁹, Чжан Цзычэня¹⁰. Основы изучения

² Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015. 416 с.; Кляус В.Л. Русский фольклор на сопках Маньчжурии. Исследования, тексты, комментарии. М., 2022. 816 с.; Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности. Новосибирск, 2017. 350 с.

³ 定宜庄. 口述传统与口述历史 // 广西民族学院学报 (哲学社会科学版). 2003. № 3. 页. 76–78 [Дин Ичжуан. Устная традиция и устная история // Журнал Гуансиского национального университета. Сер.: Философия и социальные науки. 2003. № 3. С. 76–78].

⁴ Путилов Б.Н. Фольклор и народная культура. СПб., 1994. 464 с.

⁵ Мелетинский Е.М. Миф и сказка // Фольклор и этнография / Отв. ред. Б.Н. Путилов. Л., 1970. С. 139–148; Мелетинский Е.М., Неклюдов С.Ю., Новик Е.С. Статус слова и понятие жанра в фольклоре // Историческая поэтика. Литературные эпохи и типы художественного сознания / Отв. ред. П.А. Гринцер. М., 1994. С. 39–104.

⁶ Неклюдов С.Ю. Образы потустороннего мира в народных верованиях и традиционной словесности // Восточная демонология. От народных верований к литературе / Отв. ред. Н.И. Никулин, А.Р. Садокова. М., 1998. С. 6–43; Неклюдов С.Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60: сб. статей к 60-летию А.К. Байбурина / Ред. Н.Б. Вахтин, Г.А. Левинтон и др. СПб., 2007. С. 77–86.

⁷ Селиванов Ф.М. Русский фольклор. М., 1975. 88 с.

⁸ 乌丙安. 中国民俗学. 辽宁, 1985. 36 页. [У Бинань. Китайский фольклор. Ляонин, 1985. 36 с.].

⁹ 陶立番. 中央民族大学出版社. 北京, 1987. 18 页. [Тао Липань. Введение в фольклор. Пекин, 1987. 18 с.]

китайского фольклора заложили труды российских китаеведов С.М. Георгиевского и академика В.М. Алексеева. Особое теоретическое значение для изучения китайской модели слагания несказочной прозы имеют работы Б.Л. Рифтина¹¹.

Исследование городского текста культуры как вместилища духовных и материальных смыслов изучены в работах Ю.М. Лотмана¹², В.Н. Топорова¹³, Л.З. Полещука, Фу Синхуаня¹⁴, Ян Минмина, Сунь Мэйцзы, развиты в работах А.А. Забияко¹⁵, Цзюй Куньи¹⁶ с точки зрения «харбинского текста».

Одной из проблемных зон исследования является легитимность устной истории и ее уместности сочетания с фольклористическими изысканиями, чем занимаются русские, американские и китайские учёные – Т.К. Щеглова¹⁷, Г.Т. Гувер¹⁸, Чжан Цзинь¹⁹. Феномен городского фольклора исследован сквозь призму теоретических и практических работ С.Ю. Неклюдова²⁰ и др.

В развитие теории несказочной прозы существенный вклад внесли исследования В.Я. Проппа, С.Н. Азбелева, В.П. Аникина, В.Е. Гусева, К.В. Чистова, Э.В. Померанцевой, В.К. Соколовой. Общеметодологические проблемы собирания устных рассказов, их сохранения и расшифровки разработаны в публикациях В.Л. Кляуса²¹, А.П. Забияко²², А.А. Забияко²³, Дональда А. Ричи, Пола Томпсона, Тан Дэгана, Ян Сяниня, Чень Мо.

¹⁰ 张紫晨. 中国民俗与民俗学. 浙江, 1986. 354 页. [Чжан Цзычэнь. Китайский фольклор и фольклористика. Чжэцзян, 1986. 354 с.]

¹¹ Рифтин Б.Л. Сказание о великой стене и проблема жанра в китайском фольклоре. М., 1961. 246 с.;

¹² Лотман Ю.М. Семиосфера. СПб., 2000. 704 с. и др.

¹³ Топоров В.Н. Петербургский текст русской литературы: Избранные труды. СПб., 2003. 616 с.

¹⁴ 傅兴寰. 俄罗斯文学城市文本的代码系统 – 以彼得堡文本为例 // 中国俄语教学. 2017. № 4. 页. 52–60 [Фу Синхуань. Кодовая система городских текстов в русской литературе (на примере петербургских текстов) // Русский язык в Китае. 2017. № 4. С. 52–60].

¹⁵ Забияко А.А. Лирика «Харбинской ноты»: культурное пространство, художественные концепты, версификационная поэтика: дис. ... д-ра филол. наук. М., 2007. 480 с.

¹⁶ Цзюй Куньи. «Харбинский текст» первой половины XX века в устных рассказах харбинцев // Традиционная культура. 2019. Т. 20. № 4. С. 120–135.

¹⁷ Щеглова Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5(13). С. 8–22.

¹⁸ 胡佛. 美国的口述史 / 译 正一 // 现代外国哲学社会科学文摘. 1982. – 页. 21–25 [Гувер Г.Т. Устная история Америки / Пер. с англ. Чжэн И. // Сборник современной зарубежной философии и социальных наук, 1982. № 11. С. 21–25].

¹⁹ 张锦. 口述档案, 口述传统与口述历史: 概念的混淆及其成因 // 档案学研究. 2019. № 2. 页. 5–22 [Чжан Цзинь. Устные архивы, устная традиция и устная история: концептуальная путаница и ее причины // Архивные исследования. 2019. № 2. С. 5–22].

²⁰ Неклюдов С.Ю. Заметки об «исторической памяти» в фольклоре // АБ-60: сб. статей к 60-летию А.К. Байбурина / Ред. Н.Б. Вахтин, Г.А. Левинтон и др. СПб., 2007. С. 77–86; и др.

²¹ Кляус В.Л., Острогская А.А. Русский фольклор на китайском языке: опыт полевого исследования в Трёхречье // Традиционная культура. 2014. № 4. С. 41–50; Кляус В.Л. Китайско-русские метисы КНР: идентичность во времени и пространстве // Историческая память и российская идентичность / Под. ред. В.А. Тишкова, Е.А. Пивневой. М., 2018. С. 246–289.

²² Забияко А.П., Забияко А.А. Русские Трёхречья: основы этнической самобытности: монография. Новосибирск, 2017. 350 с.

²³ Забияко А.А., Забияко А.П., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Семейные мемораты русских Трёхречья как основа реконструкции исторических процессов и этнокультурной идентификации в китайской среде // Россия и АТР. 2016. № 3. С. 185–198 и др.

Особое значение для выработки методологии исследования имеют работы Г.В. Афанасьевой-Медведевой²⁴ и др. Выявление семантического и прагматического аспектов в жанровом бытовании несказочной прозы определено работами Е.Л. Тихоновой²⁵.

Мемораты как жанр и основа сохранения исторической и родовой памяти изучены в работах С.Ю. Неклюдова²⁶, И.А. Разумовой²⁷, А.П. Липатовой²⁸, И.А. Голованова²⁹, Ли Иннань³⁰.

Вопросы дифференциации меморатов, мемуаров, автобиографии подняты в работах китайских исследователей Ляо Цзюмина, Чжу Чжимина и др. и российских ученых С.Ж. Бралиной, Ю.В. Демьяновой, И.А. Голованова, А.П. Липатовой и др.

Проблемы этнокультурного взаимодействия в фольклорном тексте исследованы в работах В.Л. Кляуса, А.А. Забияко, Чжан Жуяня³¹.

Проблемы этнической идентификации русских и китайцев в условиях дальневосточного фронта исследуются с опорой на исследования А.П. Забияко³². В работах А.А. Забияко³³, Г.В. Эфендиевой, О.Е. Цмыкал исследованы особенности ментальности дальневосточного фронта и ее проекции на религиозную, политическую, повседневную жизнь русских жителей Харбина.

История складывания русского анклава по линии КВЖД в Харбине детально изучена Н.Е. Абловой и представлена в китайской социально-политической парадигме работами Ши Фана³⁴, Ли Чуаньсюня, Жун Цзе и др.

Подходы к проблеме исследования явления «Переход в Гуаньдун» разработаны китайскими философами, социологами, литературоведами Ван Синьжунем, Синь Чжифеном, Чжан Мэй и др.³⁵.

²⁴ Афанасьева-Медведева Г.В. Образ медведя в русской народной прозе Восточной Сибири: по материалам фольклорных экспедиций 1980–2005 гг. // Сибирь в контексте российских перемен: исторический опыт, традиции и проблемы современности: в 2 кн. Кн. 1. Иркутск, 2005. С. 15–21.

²⁵ Тихонова Е.Л. Семантика и прагматика фольклорной исторической прозы русских старожилов байкальского региона: автореф. дис. ... д. филол.н. Улан-Удэ, 2018. 61 с.

²⁶ Неклюдов С.Ю. Исторический нарратив: между «реальной действительностью» и фольклорно-мифологической схемой // Мифология и повседневность. СПб., 1998. С. 288–292 и др.

²⁷ Разумова И.А. Погаённое знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. 376 с.

²⁸ Липатова А.П. Формы текста рассказов о снах: «свидетельские показания» и мемораты // Труды «Русской антропологической школы». 2008. № 5. С. 112–125.

²⁹ Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 2(293). С. 89–92.

³⁰ 李莎, 李英男, 姜涛. 缘分李立三夫人李莎回忆录. 北京: 外语教学与研究出版社, 2009. 411 页. [Ли Ша. Ли Иннань. Цзян Тао. Судьба-мемуары жены Ли Лисаня Ли Ша. Пекин: Изд-во научной литературы и литературы на иностранных языках, 2009. 411 с.].

³¹ Забияко А.А., Чжан Жуян. Русско-китайский фольклорный текст Трёхречья как форма выражения маргинальной этничности русской народности // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2019. № 3. С. 206–215; и др.

³² Забияко А.П., Кобызов Р.А., Понкратова Л.А. Русские и китайцы: этномиграционные процессы на Дальнем Востоке / Под ред. А.П. Забияко. Благовещенск, 2009. 412 с. и др.

³³ Забияко А.А. Ментальность дальневосточного фронта: культура и литература русского Харбина. Новосибирск, 2016. 447 с.

³⁴ 石方, 刘爽, 高凌. 哈尔滨俄侨史. 哈尔滨, 2003. 630 页. [Ши Фан, Лю Шуан, Гао Лин. История русских эмигрантов Харбина. Харбин, 2003. 630 с.].

³⁵ 王欣睿. 闯关东文学. 长春, 2016. 306 页. [Ван Синьжуй. Изучение литературы движения «Переход в Гуаньдун». Чанчунь, 2016. 306 с.] и др.

Исследование религиозной жизни дальневосточного фронта осуществлено в работах А.П. Забияко, А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой³⁶, Я.В. Зиненко³⁷, Е.А. Конталевой, Ван Чжицзюня, Чжан Суя, Ши Шу, Цзэн Туо и др.

Источниковая база исследования. Исследование основано на устных и письменных источниках. Письменными источниками являются русские и китайские материалы, посвященные истории зарождения Харбина, его бытования в первой половине XX в., опубликованные воспоминания харбинцев разных национальностей, эпистолярные, литературные тексты эмигрантов; постхарбинские публикации в изданиях эмигрантских землячеств в России и Австралии.

Устные источники включают полевые материалы (аудио-, видео-), собранные в ходе работы 10 международных экспедиций и 6 полевых исследований (2015–2022 гг.) (2015 г., г. Санкт-Петербург, Россия, участники: Цзюй Куньи, Зиненко Я.В., С.С. Лешоко; 2016 г., г. Санкт-Петербург, Россия, участники: Цзюй Куньи, С.С. Лешоко; 2016 г., г. Москва, Россия, участники: А.П. Забияко, А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян; 2016 г. г. Карловы Вары, Чехия, участники: А.А. Забияко; 2017 г. г. Харбин, КНР, участники: Цзюй Куньи, А.А. Забияко; 2017 г., г. Москва, Россия, участники: Цзюй Куньи; 2018 г., г. Пекин, КНР, участники: Цзюй Куньи, А.А. Забияко, Цзюй Вэй; 2019 г., г. Пекин, КНР, участники: Цзюй Куньи, Цзюй Вэй; 2019 г., г. Москва, Россия, участники: Цзюй Куньи, Чжоу Синьюй; 2019 г., г. Сидней, Австралия, участники: Цзюй Куньи, Ян Сяоцзюй, А.П. Ивачёв; 2020 г., г. Харбин, КНР, участники: Цзюй Куньи, Чжан Кайжуо; 2022 г., г. Харбин, КНР, участники: Цзюй Куньи; 2022 г., г. Огре (онлайн), участники: Цзюй Куньи, А.А. Забияко).

Объектом диссертационного исследования выступают устные рассказы жителей Харбина (русских, китайских, метисированных), обращенные к периоду первой половины XX в. и составляющие несказочную (историческую) прозу Харбина.

Предметом исследования является «харбинский текст» первой половины XX в., представленный в разнообразных жанрах несказочной (исторической) прозы в семантико-прагматическом, этнокультурном и этнорелигиозном аспектах его бытования.

Цель диссертационного исследования: комплексное изучение несказочной (исторической) прозы жителей Харбина с жанровой, образно-тематической, семантико-прагматической, этнокультурной, этнорелигиозной точек зрения ее функционирования в «харбинском тексте» русской культуры.

Задачи диссертационного исследования:

1. Расшифровать, систематизировать и типологизировать собранный в экспедициях полевой материал, осуществить источниковедческую и текстологическую обработку собранных аудио- и видеоматериалов (на русском,

³⁶ Эфендиева Г.В., Зиненко Я.В. К истории церковной и духовной жизни русской эмиграции Дальнего Востока: из публицистического наследия Арсения Несмелова // Религиоведение. 2015. № 4. С. 170–187.

³⁷ Зиненко Я.В. Как русский Харбин Крещение праздновал: заметки очевидцев // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая / Отв. ред. Ли Яньлин. Владивосток, 2019. С. 296–305.

английском и китайском языках) о жизни населения на фронтальных территориях, межэтническом взаимодействии русских и китайских, метисированных жителей Харбина первой половины XX в.

2. Систематизировать, перевести и сравнить труды российских и китайских ученых, исследующих проблемы фольклористики; истории и культуры Харбина первой половины XX в.; межэтнических, межкультурных и этнорелигиозных контактов русских и китайцев на территории дальневосточного фронта.

3. Определить содержание и сущностные характеристики явления «харбинский текст» несказочной (исторической) прозы в синхроническом и диахроническом аспектах, выявить базовые константы его функционирования.

4. Определить специфику несказочной (исторической) прозы Харбина первой половины XX в. с точки зрения ее генезиса, бытования и изучения.

5. В собранных материалах полевых исследований 2015–2022 гг. выявить наиболее актуальные на сегодняшний день жанры фольклора русских, китайских, метисированных харбинцев, определить доминантные точки их функционирования.

6. Дифференцировать жанры несказочной (исторической) прозы харбинцев в семантическом и прагматическом аспектах.

7. Исследовать роль и функции семейных историй в контексте жанрово-тематического репертуара несказочной (исторической) прозы харбинцев.

8. Изучить темы и сюжеты устных рассказов харбинцев о воспитании и образовании, религиозной и духовной жизни, межэтнических контактах русских, китайцев, японцев.

9. Изучить механизм продуцирования фабулатов (легенд) из устных рассказов харбинцев в русской части «харбинского текста» несказочной прозы.

10. Исследовать китайскую модель продуцирования городского фольклора на основе базовых установок «харбинского текста».

11. Изучить механизмы возникновения фабулатов в китайской части городского фольклора.

12. Исследовать жанры харбинского фольклора с точки зрения способов сохранения русскими и китайскими харбинцами исторической памяти.

Новизна исследования заключается:

1. Во введении в научный оборот полевых материалов, собранных на русском, английском и китайском языках в результате 10 научных экспедиций и 5 полевых онлайн-бесед в гг. Санкт-Петербург, Москва (Россия), Сидней (Австралия), Карловы Вары (Чехия), Огре (Латвия), Харбин, Пекин (КНР) в 2015–2022 гг.

2. В сборе, переводе на русский язык, введении в научный оборот научных исследований китайских ученых по проблемам исследования фольклора, устной истории и истории культуры Харбина и Северо-Востока Китая первой половины XX в.

3. В определении понятия «харбинский текст» с точки зрения его фольклорного воплощения, в экспликации базовых констант его продуцирования и трансляции.

4. В выявлении специфики несказочной (исторической) прозы как части городского фольклора Харбина первой половины XX в. с точки зрения ее генезиса, бытования и изучения.

5. В межэтнической (русско-китайской) парадигме исследования несказочной (исторической) прозы как вербальной части городского фольклора Харбина.

6. В экспликации актуальных на сегодняшний день жанров городского фольклора харбинцев с этнической, социальной и локальной позиций бытования и трансляции.

7. В исследовании несказочной (исторической) прозы Харбина в его семантическом и прагматическом аспектах.

8. В выделении мемуаров и фабулатов харбинцев как основных жанровых модификаций устных рассказов с точки зрения их субъектной организации.

9. В выявлении доминантных точек семантико-прагматического проявления жанров несказочной (исторической) прозы в сознании информантов-харбинцев (семейные мемуары, мемуары о духовной, религиозной и праздничной жизни, этнокультурной ситуации; были, сказы, легенды, бывальщины).

10. В исследовании механизма возникновения легенд религиозного содержания (о харбинском заступнике) как русской модели продуцирования харбинской несказочной (исторической) прозы.

11. В изучении механизма возникновения семейной легенды из сюжета о культурном герое (китайском прадедушке) и обретении семьей богатства как китайской модели продуцирования харбинской несказочной (исторической) прозы.

12. В экспликации этнорелигиозной и неомифологической модели соответственно русского и китайского текстов «городского фольклора» Харбина как способов сохранения исторической памяти жителей многонационального города.

Теоретическая и практическая значимость работы заключается в определении понятия «харбинский текст» русской культуры, обозначении типологических закономерностей продуцирования русского и китайского вариантов несказочной (исторической) прозы городского фольклора как части «харбинского текста»; во введении в научный оборот материалов полевых исследований (интервью и бесед) с бывшими и настоящими жителями Харбина, их потомками на русском, английском и китайском языках, собранных в России, Австралии, Чехии и Китае на протяжении 2015–2022 гг. и актуальных на сегодняшний день. Собранные материалы могут быть сохранены в архивах и музеях в качестве аудиовизуальных и текстовых источников, дополняющих официальные рассказы о происходивших исторических событиях с точки зрения обычных людей.

Методология и методы исследования. Автор опирается на культурно-исторический, сравнительно-исторический, типологический, структурно-семантический методы исследования, методы лексико-семантического анализа, включенного наблюдения, интервью с фиксацией «свободного потока речи» информанта, беседы, нарративного анализа, а также переводоведческий метод сопоставительного анализа переводов с оригиналом.

Положения, выносимые на защиту:

1. Фольклорный «харбинский текст» возникает с момента строительства города – возможно, раньше литературного и даже публицистического. Однако его фиксация начинается, наоборот, достаточно поздно – после создания мемуарного и рецепции литературного текстов. Тем не менее, устные рассказы харбинцев как часть фольклорного «харбинского текста» первой половины XX в., в единстве их жанрово-тематического, русского и китайского наполнения открывают большой потенциал для исследователей в аксиологическом, историческом, лингвокультурном, эстетическом аспектах. Благодаря им повседневная история Харбина наполняется живым антропологическим содержанием, а фольклорное слово о Харбине выражает глубинное народное – русское и китайское – представление об этом уникальном городе.

2. Несказочная (историческая) проза является полноправной вербализованной частью «харбинского текста» первой половины XX в. Она существует на русском и китайском языках, не только выполняя функцию «коммуникативного и культурного воскрешения прошлого»³⁸, но и фиксируя специфику сознания русских и китайских жителей полиэтнического города, существующего почти полвека при консервативной роли русской культуры. Фронтирность (порубежность) и мифологичность являются базовыми константами продуцирования и трансляции несказочной (исторической) прозы харбинцев.

3. Фольклорный текст исторической прозы «русского» Харбина представлен многообразием жанровых разновидностей: семейными меморатами, былями, легендами, бывальщинами, преданиями. Инвариантной основой всех жанров становится устный рассказ. Многие из жанров испытали влияние исторической, литературной и мемуарной части «харбинского текста».

4. Доминантными точками несказочной (исторической) прозы харбинцев становятся семейные мемораты, мемораты о религиозной жизни, праздничной культуре харбинцев, образах взаимовосприятия русских и китайцев.

5. Основными носителями несказочной (исторической) прозы на сегодняшний день являются потомки русских эмигрантов во втором и третьем поколении, с их устными рассказами коррелируют нарративы китайских харбинцев. Несмотря на общность жанрово-тематического комплекса фольклорных текстов харбинцев, они частично отличаются в эмоциональном

³⁸ Ассман Я. Культурная память: Письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М., 2004. С. 49.

плане по своим этнокультурным, этносоциальным, локальным характеристикам. Это обусловлено социально-экономическими и социально-политическими обстоятельствами формирования эмигрантских постхарбинских сообществ в Австралии, СССР и странах Европы, а также условиями проживания потомков эмигрантов и харбинских китайцев в Китае.

6. В жанровом пространстве несказочной городской прозы Харбина первой половины XX в. весьма нечетко обозначена граница «истинное/сакральное». Устные рассказы харбинцев о поре их детства и юности являются органичным продолжением их воспоминаний, уже основанных не на «мифологическом знании» семейных преданий, но связанных с личной мифологией.

7. Большую часть харбинских нарративов занимают устные рассказы-мемораты, обращенные непосредственно к истории города, повседневной жизни его жителей. Устные рассказы харбинцев, обращенные к духовной и религиозной жизни, зачастую переходят в жанровую форму предания, либо легенды, то есть представлены фабулатами.

8. Помимо общих для устных историй харбинцев тем-топосов, связанных с православной праздничной культурой города, в нарративах информантов нашли отражение «география» православной повседневности обычной харбинской семьи, сюжеты о религиозном воспитании в школе, факты народной православной религиозности и синкретизации религиозного сознания русских и китайцев в Харбине, воспоминания о попытках японизации оккупантами религиозной жизни и школьного образования в период Маньчжоу-Дого, личные впечатления о харбинских православных священниках – духовных наставниках и настоящих подвижниках, жанры несказочной прозы о харбинских заступниках. Последние не только эксплицируют представления о «намоленности» города и его промыслительной роли в русской истории, обнажают народные основы православной культуры Харбина, но и создают отдельный разножанровый фольклорный текст художественной этнографии Маньчжурии 20–40-х гг. XX в.

9. В устных рассказах (мемораты и небольшая часть фабулатов) наших русских, китайских, метисированных респондентов обозначены основные темы, определяющие этнокультурные взаимоотношения в этом многонациональном городе: межэтнические браки, соседский быт, детская дружба русских и китайских ребят, совместное обучение русских и китайских детишек в садах и школах, взаимопомощь в годы японской оккупации. Чем более близким было взаимодействие двух этносов (соседство, совместный промысел) – тем теплее настроение меморатов и живее мотивы и сюжеты, дающие возможность меморату перейти в фабулат.

10. В настоящее время тематический комплекс фольклорных текстов о Николае Угоднике из актуальных жанров харбинского «городского фольклора» перешел в разряд «исторической прозы». Дополняя литературный, мемуарный, публицистический тексты о харбинских святынях, этот фольклорный пласт органично вписывается в мифологизированную историософию «намоленного» Харбина. В его жанровом разнообразии совместились индивидуальное и

«соборное» отношение к Николаю Чудотворцу – не случайно многие фабулаты стали частью проповедей и апокрифов. В чудотворных деяниях Угодника воплощены все функции, присущие святому, для харбинцев его благодать не имеет ни возрастных, ни этнических границ. Общерусский и региональный (сибирский), русский и китайский компоненты в почитании святого, отраженные в фольклорных жанрах мемората, легенды, были, былички, «случая из жизни», свидетельствуют о маргинализации и синкретизации религиозного сознания жителей дальневосточного фронта.

11. Китайский «харбинский текст» устной истории создавался позднее, что обусловлено объективными обстоятельствами формирования китайского населения Харбина и социально-политическими процессами в Китае второй половины XX в. Он в основном представлен меморатами. В своем актуальном сюжетно-мотивном комплексе эти жанры в большей степени обращены к воспоминаниям об этнических контактах русских и китайцев и проникнуты уважением к русской культуре Харбина первой половины XX в.

12. Концептуальной основой редких китайских фабулатов также является фронтирность и мифологичность, но реализация протекает по законам китайской модели мифологизации истории с использованием этнически закреплённых матричных текстов (мифологии «Перехода в Гуаньдун», социального мифологизирования русского присутствия в Маньчжурии, а также мифологизации исторических личностей).

Структура и основное содержание работы

Диссертация состоит из введения, трех глав, заключения, списка литературы и приложения.

ОСНОВНОЕ СОДЕРЖАНИЕ ДИССЕРТАЦИИ

Введение. Во введении автором аргументируется актуальность выбора темы, указывается степень изученности, описывается изучение устной истории потомков русских и метисированных эмигрантов и китайских жителей Харбина российскими и китайскими исследователями, определяются предмет и объект исследования, формулируются цель и задачи, научная новизна исследования, выделяются теоретическая и практическая значимость; описывается методологическая база диссертационного исследования, указывается апробация работы и её структура.

Первая глава **«Несказочная (историческая) проза как вербальная часть “харбинского текста” русской культуры»** разделена на четыре параграфа. В первом параграфе **«Несказочная (историческая) проза Харбина первой половины XX в. (онтоогические основы)»** представлена парадигма возникновения и развития вербальной части «харбинского текста» культуры как отрефлексированного образа жизни города с начала его возникновения по наши дни, отражающего в своей структуре систему доминирующих концептов (доминантных точек), образов, оценок – ракурсов картины мира харбинцев на невербализованном и вербализованном уровнях.

Городской фольклор вбирает в себя «новации, рожденные меняющейся реальностью и деформирующие старые традиции»³⁹. В фольклорной части «харбинского текста» контаминировано элитарное и простонародное, русское и китайское, просоветское и антикоммунистическое начала. Когда живые носители этого знания стали уходить из жизни, пришло понимание ценности того периода харбинской жизни и для истории России, и для истории Китая. Необходимо было, чтобы харбинцы и жители пристанционных поселков по линии КВЖД «заговорили» бы с читателями и исследователями голосами представителей разных этносов, культур и религий, разных социальных слоёв и образовательных уровней, письменным и устным, литературным и просторечным, пиджинизированным языками.

Исследование несказочной (исторической) прозы как вербализованной части «харбинского текста» основано на сложившемся в современной филологии представлении о тексте как об открытой системе, соотнесенной с другими текстовыми и смысловыми системами, находящейся с ними в диалоге.

Несказочная (историческая) проза выполняет функцию «коммуникативного и культурного воскрешения прошлого» (Я. Ассман), фиксирует специфику сознания русских и китайских жителей. Концептуальными основами порождения и трансляции несказочной исторической прозы харбинцев выступают *фронтирность*, *полиэтничность*, *мифологичность* – универсальные константы вербальной части «харбинского текста». «Доминантными точками» бытования становятся семейные мемораты, устные рассказы о религиозной жизни, праздничной культуре харбинцев, образах взаимовосприятия русских и китайцев.

Во втором параграфе «**Специфика несказочной (исторической) прозы Харбина первой половины XX в.; методика ее собирания и изучения**» автор обращается к проблеме сохранения и собирания несказочной исторической прозы Харбина.

Научный подход предполагает сбор устных рассказов русских, китайских, метисированных жителей Харбина и их интерпретацию с фольклористической – прагматической и семантической точки зрения. Под «устными рассказами» в диссертации подразумеваются нарративы, полученные от участников событий («свидетельские показания» – семейные мемораты, были, «случаи из жизни», слухи и сплетни), а также рассказы о прошлом, что были получены харбинцами в результате усвоения устного опыта предков (родителей, бабушек и дедушек) – «мифологизированное знание» – те же семейные мемораты отдаленного прошлого, легенды, предания⁴⁰.

Несказочная проза иначе вплетена в пространство исторической памяти. С прагматической точки зрения в основе исторической прозы харбинцев лежит *ремифологическая установка*, определяемая общим настроением наших информантов (русских, китайцев, метисов) на сохранение, воссоздание и

³⁹ Неклюдов С.Ю. Фольклорные традиции современного города // https://www.ongal.net/editions/Ethnourbana/12Ethnourbana_Neklyudov_web.pdf (дата обращения: 12.01.2023).

⁴⁰ Щеглова Т.К. Устная история в российском историографическом пространстве 1990–2010-х годов: вызовы, достижения и риски // Исторический курьер. 2020. № 5. С. 13.

трансляцию «харбинского мифа». В воспроизведении устной прозы русские и китайские жители Харбина нацелены на утверждение своей этничности, «русскости» или «китайскости» прошлого своего города. Порубежность и мифологичность сознания влияют на формирование жанрового посыла рассказываемых им нарративов. Таким образом, прагматический аспект детерминирует жанровое своеобразие несказочной (исторической) прозы харбинцев – ее маргинальное положение между устным рассказом (сказом), меморатом / преданием, легендой.

Несказочная (историческая) проза харбинцев представляет эволюционирующую форму – от рассказа о предках и стране исхода до ремифологического сказания о Харбине и харбинцах: от семейного мемората к преданию и легенде. В харбинском случае легенды становятся «способом удовлетворения общественных амбиций через прославленных предков» (Б. Малиновский) – в широком смысле «предками» в рассказах информантов выступают харбинцы прошлых лет как особая категория людей, практически атлантов.

Типологическая ситуация воспроизведения текстов несказочной (исторической) прозы харбинцами – интервью либо беседа по предварительной договоренности в специальном месте либо в домашней обстановке. Иллокутивно-мотивационным фактором выступает желание харбинцев рассказать о Харбине их молодости, сохранить память о своих близких и друзьях, осуществить воспитательную миссию, утвердить свою этничность, оставить наиздание потомкам: *«Ну, я чувствую себя русским и буду чувствовать русским <...> Харбинские русские – это особая нация, понимаешь? Сохранили русскую культуру, сохранили русский язык, и мы тут нашим детям тоже самое отдаём»* (Виктор Михайлович Игнатенко, 1935 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Сидней, Австралия; 28 августа 2019 г.).

Коммуникативная ориентированность «слушатель-исполнитель» в данной ситуации определено выражена и характеризуется обоюдным интересом информантов и собирателей, выступающих в роли собеседников. Специфичность коммуникативной ситуации обусловлена русско-китайским составом исследовательской группы – двойной этнической ориентированностью наших информантов, рождающей два варианта рассказа (на русском и китайском языках, часто разной жанровой природы⁴¹), либо комментарии на неосновном языке беседы⁴².

В живом бытовании произведения несказочной прозы чаще всего жанрово не маркированы (Е.В. Тихонова). В силу этого жанры несказочной прозы харбинцев разделяются диссертантом на мемораты, устные рассказы (сказы), предания (с доминированием признака «фактическое», т.е. установкой

⁴¹ Забияко А.А., Цзюй Куньи. Рассказы о «харбинских дедушках»: китайская модель создания «харбинского текста» // Традиционная культура. 2023. Т. 24. № 1. С. 88–97.

⁴² Забияко А.А., Зиненко Я.В., Чжан Жуян. Беседы с русской харбинской: Любовь Николаевна Ли // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12. Русская эмиграция в Китае: опыт исхода / Под ред. А.А. Забияко, А.П. Забияко. Благовещенск, 2017. С. 236–258.

на достоверность сообщаемого) и легенды (былички, бывальщины – реже) – жанры с сочетанием признаков «фактическое + сакральное».

Включенность несказочной (исторической) прозы в обычную речевую ситуацию и отсутствие собственной номинации жанров при их воспроизведении приводит к синкретизации некоторых жанровых форм, возникновению переходных форм (Е.Л. Тихонова).

Анализируя прагматический и семантический аспекты воспроизведения и собирания несказочной прозы «харбинского текста», автор диссертации подчеркивает размытость границы жанров – этого не замечают сами информанты, переходя от устного рассказа-мемората – к фабулату, а затем к преданию и зачастую к легенде (иногда – легендарному анекдоту). Границы жанров (весьма условные) фиксируются при расшифровке и анализе материалов либо при повторном рассказывании одного и того же сюжета в новой ситуации.

Определению жанровой принадлежности произведения способствует его «жанровая специализация» (Б.Н. Путилов), являющаяся жанрообразующим признаком. Если речь идет об истории семьи, собственной биографии – достоверность в устной несказочной прозе харбинцев преобладает, и, наоборот, мифологический компонент доминирует, когда речь заходит о религиозной жизни, «намоленности» русского Харбина.

В третьем параграфе первой главы **«Жанры несказочной (исторической) прозы Харбина первой половины XX в.: прагматический и семантический аспекты дифференциации»** устный рассказ рассматривается как жанровый инвариант (матрица) следующих в потоке речи, наполненных специфическим содержанием жанров несказочной прозы. Основной жанровой модификацией устных рассказов харбинцев является меморат (семейный и личный). Большую часть нарративов составляют мемораты, обращенные непосредственно к истории города, повседневной жизни его жителей. Устные рассказы харбинцев, обращенные к духовной и религиозной жизни, зачастую переходят в жанровую форму предания либо легенды, – фабулата.

В четвертом параграфе **«Антропологический аспект изучения несказочной (исторической) прозы Харбина»** дается аналитический обзор этнических, этнокультурных, социокультурных, пространственно-локальных характеристик двадцати четырех респондентов данной диссертационной работы – второго и третьего поколения харбинцев, рожденного в семьях строителей КВЖД, служащих на дороге, разнорабочих, предпринимателей, преподавателей, охотников, крестьян и т.д. Есть те, кто приехал в Харбин уже после его освобождения советскими войсками, а также внуки китайцев-мигрантов из Шаньдуна. Среди них – большая часть русские (14), потомки русско-китайских браков (7) и китайцы. Возрастные характеристики информантов – от 54 до 93 лет. Из 24 информантов относят себя к русским 14 (не все являются этническими русскими); 7 – потомки русско-китайских браков, 2 (проживающие в Китае) идентифицируют себя как китайцы, остальные считают себя русскими (включая двух сестер, чья мать была полькой); 3 респондента – китайцы (ханьцы).

8 информантов проживают в России (4 в г. Санкт-Петербурге, 4 – в г. Москве); 1 в Латвии (г. Огре), 7 в Китае (3 в г. Пекине, 4 в г. Харбине), 8 респондентов в Австралии (г. Сидней).

В Харбине они закончили разные учебные заведения – русские и советские школы, Конвент и лицеи; кто-то успел получить университетское образование, немного поработать в Харбине, Дальнем (Далъне), Цицикаре. Их сегодняшняя география проживания обширна – Россия (гг. Санкт-Петербург, Москва, Благовещенск), Латвия (г. Огре), Китай (гг. Харбин, Пекин), Австралия (г. Сидней).

Некоторые информанты не жили в Харбине, но выступают как носители «мифологического знания» о Харбине – воссоздают истории своих родителей-харбинцев; стали авторами воспоминаний о Харбине – Елена Петровна Таскина⁴³, Наталия Николаевна Лалетина⁴⁴, Валерий Джанович Руденко⁴⁵, Ли Иннань⁴⁶, Павел Васильевич Шахматов⁴⁷. Это по-своему отразилось на их устных рассказах.

Устные рассказы «советских», «китайских», «австралийских» харбинцев отличаются не только в языковом отношении, но и в жанровом отношении. Харбин первой половины XX в. становится в их сознании основой исторической памяти и этнической идентификации.

Первый параграф «Семейная история в устных рассказах харбинцев: темы и сюжеты» второй главы «Тематико-сюжетный репертуар устных рассказов-меморатов харбинцев» обращен к устным рассказам-меморатам («семейным историям», «биографическим рассказам», «семейным биографическим рассказам», «устным рассказам»⁴⁸). В корпусе несказочной (исторической) прозы они выделяются повествовательной организацией – как нарративы, изложенные с точки зрения «я-рассказчика». «Доминантными точками» в этой части «харбинского текста» являются семейные мемораты – рассказы-воспоминания об истории рода, семьи, о территории исхода семьи, причинах миграции, духовных и религиозных основах родовой памяти⁴⁹. Мемораты о том, как семья оказалась в Северной Маньчжурии (**подпараграф 2.1.1. «История рода как история «исхода из родных мест»**) воссоздают обстоятельства социального, политического и экономического характера, обусловившие начало строительства и заселения Харбина в начале XX в. и формирование его этнокультурного и этнорелигиозного облика: в хронологической последовательности выстраивается история освоения

⁴³ Таскина Е.П. Неизвестный Харбин. М., 1994. 192 с.

⁴⁴ Лалетина Н.Н. Японцы. Огре, 2016. 352 с.

⁴⁵ Руденко В.Д. Ауфидер ку-ку!: повести и рассказы. М., 2017. 317 с.

⁴⁶ 李莎, 李英男, 姜涛. 缘分李立三夫人李莎回忆录. 北京: 外语教学与研究出版社, 2009. 411 页. [Ли Ша. Ли Иннань. Цзян Тао. Судьба-мемуары жены Ли Лисаня Ли Ша. Пекин: Изд-во научной литературы и литературы на иностранных языках, 2009. 411 с.].

⁴⁷ Шахматов П. Трёхречье. Воспоминания. Томск, 2014. 344 с.

⁴⁸ Кляус В.Л. «Русское Трёхречье» Маньчжурии: Очерки фольклора и традиционной культуры. М., 2015. С. 210.

⁴⁹ Голованов И.А. Устный рассказ-воспоминание в современной коммуникации как фольклорный текст // Вестник Челябинского государственного университета. Сер.: Филология. Искусствоведение. 2013. № 2(293). Вып. 74. С. 89–92; Разумова И.А. Потаенное знание современной русской семьи. Быт. Фольклор. История. М., 2001. С. 241–245.

Северной Маньчжурии выходцами из Российской империи, китайцами из центральных районов Поднебесной, связанная с началом строительства КВЖД, открывающимися экономическими свободами и появлением на свет коренных харбинцев. Мемораты запечатлели социальный портрет первых переселенцев, многие из которых приехали строить Китайскую Восточную железную дорогу либо обсуживать ее сотрудников и жителей по линии: железнодорожники, инженеры, коммерсанты, купцы и т.д. Среди первопоселенцев были те, кто бежал от царского правительства в годы первой русской революции. После революции дорога в Китай из России прокладывалась разными путями – через Монголию и Корею, морем, пустыней, через Амур (в Сахалян и далее)⁵⁰. Характерной деталью в этой части рассказов является роль «чудесных помощников» – китайцев-проводников. Семейный нарратив становится основой этнокультурной идентичности большей части наших информатов-харбинцев, русских и китайцев, метисов. Немногочисленные китайские мемораты об истории рода коррелируют с русскими по социально-политическому признаку.

В русско-китайском целом городского фольклора Харбина мемораты об истории рода обнаруживают типологическое единство: установку на достоверность изображаемого и обращение к истории миграции семей в Маньчжурию из родных мест – центральной России, Сибири русских и Восточного, Центрального Китая – ханьцев. Парадоксальным является то, что история рода, связанная с исходом, обращена в целом к космогонической идее «начала начал»: в русской и китайской части части речь идет о рождении Харбина из пустоты и хаоса социальных событий.

Подпараграф 2.1.2 второй главы **«Повседневная жизнь в Харбине»** основан на анализе устных рассказов харбинок – выросшей в Саманном городке в 1930–1940-х гг. Наталии Лалетиной; Любви Шитовой, рожденной в русско-китайском браке, и дочери Ли Лисаня, оказавшейся в Харбине середины 50-х гг. прошлого века – Ли Иннань. В меморатах Н.Н. Лалетиной повседневная жизнь Харбина обрастает множественными подробностями и деталями: это сюжеты о городской торговле, о харбинских публичных домах, встречах «построечников» (первых поселенцах), детских играх и летних забавах; о тяжелых годах японской оккупации. Любовь Шитова упоминает о страшной реальности японского присутствия, закончившейся семейной трагедией – случай типичен для харбинской повседневности 30–40-х гг. Устный рассказ Ли Иннань посвящен жизни ее семьи в домике бывших кэвэжэдеков – в те годы, когда начинается «китайская» харбинская история.

Второй параграф второй главы – **«Образование и воспитание харбинцев первой половины XX в. в устных рассказах: темы и сюжеты»**.

В данных меморатах зафиксировано аксиологическое значение дореволюционной системы российского образования, органично воспринятого советской программой в ее харбинском изводе: *«Я училась в г. Харбине,*

⁵⁰ Забияко А.А., Зиненко Я.В. «По Забайкалью и Амуру» А.П. Фарафонтова как источник исследования народного православия на территории дальневосточного фронта начала XX века // Религиоведение. 2021. № 2. С. 28–43.

ходила в русскую школу, хотя и учились в ней чехи, поляки, грузины, армяне, китайцы, очень много было украинцев, белорусов. В школе самым большим праздником считалась Пасха и Рождество, обязательно в праздничной школьной форме; в платье или с прической прийти не разрешалось» (Зап. от Веры Николаевы Пан, 1929 г.р. (урож. г. Харбин, КНР), г. Санкт-Петербург, Россия; 2015 г.). Китайские дети получали в Харбине равные возможности с русскими, и их родители понимали преимущества такого образования. Мемораты отражают наступление китаизации образовательной системы. Однако сложившаяся в Харбине до революции система образования пустила настолько прочные корни, что это обеспечило блестящее будущее харбинцам как профессионалам в их последующих местах проживания.

На протяжении почти полувека в Харбине мирно сосуществовали разные конфессии и религии: «Конечно, все ходили в церковь, весь город, все ходили в свои церкви. Поляки в свою... свой костел, немцы в свою кирху, в синагогу ходили евреи, в мечеть ходили татары. Ну, а русские – господи, было двадцать храмов и два монастыря⁵¹!» (Зап. от Натальи Николаевны Лалетиной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 31 августа 2020 г. Соб.: А.А. Забияко). Параграф третий **«Религиозный и праздничный быт харбинцев первой половины XX в. в устных рассказах: темы и сюжеты»** обращен к православной культуре русских информантов, которая прочно соединила прошлое, настоящее русских харбинцев и будущее их детей, помогало выживать на чужой земле⁵².

Помимо общих для устных историй харбинцев тем-топосов, связанных с православной праздничной культурой города, в нарративах информантов нашли отражение «география» православной повседневности обычной харбинской семьи, сюжеты о религиозном воспитании в школе, факты народной православной религиозности и синкретизации религиозного сознания русских и китайцев в Харбине, воспоминания о попытках японизации оккупантами религиозной жизни и школьного образования в период Маньчжоу-Диго, личные впечатления о харбинских православных священниках – настоящих подвижниках, жанры несказочной прозы о харбинских заступниках.

Четвертый параграф второй главы **«Русские, китайцы, японцы в Харбине: темы и сюжеты»** обращен к образам восприятия представителей инокультуры устных рассказах. *Русскость* и самоидентификация в качестве *русских* стали залогом сохранения этничности и формирования комфортной среды для выживания на чужбине, в *порубежье*. *Китайскость* как понимание чужой этничности и соотнесение себя, своего быта и своей духовности с *китайцами* в условиях фронтального бытия стало способом восприятия инокультуры русскими⁵³. Китайское население Харбина с начала 1920-х гг.

⁵¹ В Харбине был 21 православный храм.

⁵² Забияко А.А. Харбинка по жизни. Наталия Лалетина // Русский Харбин, запечатлённый в слове. Вып. 8: Художественная этнография Северной Маньчжурии: русский и китайский текст / Под ред. А.А. Забияко, Г.В. Эфендиевой. Благовещенск, 2021. С. 7–51.

⁵³ Забияко А.А., Сенина Е.В. Художественный образ восприятия инокультуры как категория имагопоэтики // Социальные и гуманитарные науки на Дальнем Востоке. 2021. Т. 18. № 1. С. 166–171.

начинает неуклонно нарастать, и к 1935–40-м гг. достигает 660 тыс. чел.⁵⁴. Китайцы занимались хозяйственными работами – помимо строительства дороги, были зеленщиками, дворниками, поварами, «боями» при русских домах, старьевщиками. Изначально условия строительства и заселения Харбина настраивали построечников и первых служащих на создание семей по этническому принципу. Однако в условиях отрыва от родных мест, а также в силу социальных затруднений повсеместно возникали русско-китайские браки. Многие из них были равными (семьи полуковцев В.Н. Пан, Л.Н. Шитовой, Валентины Хан и др.). Но среди этих историй есть и рассказы о юных русских бесприданницах и богатых китайцах (мемораты Н.Н. Лалетиной).

В годы японской оккупации китайцы и русские держались вместе – предприимчивые китайцы спасали русских от голода, позднее русские помогали китайцам. Чем более близким было взаимодействие двух этносов (соседство, совместный промысел) – тем теплее настроение меморатов и живее мотивы и сюжеты, дающие возможность перейти в фабулат.

Устные рассказы харбинцев эксплицируют своеобразную этническую дифференциацию, бытующую среди жителей города. Упоминания о немцах, поляках, украинцах, бывших, к примеру, родителями наших собеседников, даются вскользь – но харбинцы четко разделяют взаимоотношения русских, китайцев и японцев.

Третья глава **«Тематико-сюжетное своеобразие харбинских рассказов-фабулатов»** разделена на два параграфа. В первом параграфе третьей главы – **«Мифологические рассказы и легенды о Николае Угоднике как часть русского «харбинского текста» несказочной прозы»** прослеживается механизм перехода устного рассказа в предание и последующее обретение преданием легендарной формы⁵⁵.

Образ Николая Угодника как мифологема Харбина генеалогически восходит к образу Свято-Николаевского Собора – архитектурной и религиозной мифологеме русских и китайских харбинцев⁵⁶: *«Когда жили в Новом городе, мы ходили в собор, который стоял на перекрестке всех дорог»* (Зап. от Татьяны Павловны Лялиной, 1940 г.р., (урож. г. Харбин), г. Сидней (Австралия); 28 августа 2019 г.)⁵⁷.

По мнению харбинцев и живущих по линии КВЖД, Николай Чудотворец – покровитель города помогал всем, был везде и всюду, где возникала в нем нужда – согласно общерусским простонародным представлениям, зачастую идентифицируясь с Богом. В народном сознании русских харбинцев прочно укрепилось представление о том, что Николай Угодник покровительствовал китайцам: *«Ну, о нем [Николае Чудотворце. – Ц.К.], конечно, очень много*

⁵⁴ Аблова Н.Е. КВЖД и российская эмиграция в Китае: международные и правовые аспекты истории (первая половина XX в.). М., 2004. 432 с.

⁵⁵ Забияко А.А., Цзюй Куньи. Сюжет о Николае Угоднике в фольклорных текстах жителей Харбина // Религиоведение. 2022. № 1. С. 35–51.

⁵⁶ Николаев Ю.Т. Никита Иконник. Сан-Франциско, 1968; Лешко С.С. Православный храм в дальневосточном русском зарубежье: архитектурно-художественная традиция и историческое время (первая половина XX в.) // Религиоведение. 2003. № 4. С. 139 и др.

⁵⁷ Мелихов Г.В. Белый Харбин. Середина 20-х. М., 2003. С. 93.

легенд было. Ходили легенды о том, что он помогал китайцам очень» (Зап. от Натальи Николаевны Лалет

ной (Николаевой), 1931 г.р. (урож. г. Харбин), г. Огре (Латвия); 11 октября 2020 г. Соб.: А.А. Забияко).

Образ Николая Угодника – доброго старца с окладистой бородой, в золотых ризах, расположенный в здании вокзала (на «таможенном посту»), в сознании китайцев мог синкретизироваться с мифологемой Лао-Цзы (老子 букв. «Старый мудрец» / «Старый ребенок»), отправившегося на запад – к самым последним рубежам Поднебесной. Не только лик Николая Мирликийского, но «крестьянская» ориентированность, связь со «скотым богом» Велесом семантически соотносимы с общекитайским образом 土地公 (Tu Di Gong), Духа земли (Бога земли), имеющего образ Старика со седыми волосами и бородой⁵⁸. 土地公 приносит пользу поселениям и защищает простых людей, известен как «Бог благословения и Праведности». Пиджинизированные именованья «Старика вокзала», «Старика Собора» свидетельствуют об архетипическом образе «мудрого старца».

В настоящее время тематический комплекс фольклорных текстов о Николае Угоднике из актуальных жанров харбинского «городского фольклора» перешел в разряд «исторической прозы». Общерусский и региональный (сибирский), русский и китайский компоненты в почитании святого, отраженные в жанрах мемората, легенды, были, былички, «случаев из жизни», свидетельствуют о маргинализации и синкретизации религиозного сознания жителей дальневосточного фронта.

Во втором параграфе третьей главы «Сюжет о “харбинском дедушке”: китайская модель трансформации мемората в фабулат в «харбинском тексте» **несказочной прозы**» на основе устных рассказов ученого-антрополога г-на Т. [Беседа с г-ном. Т., 2019]⁵⁹ анализируется история его семьи. Рассказ г-на Т. фиксирует «харбинскость» китайских персонажей нарратива, основными мотивами которого становятся знаковые для рассказчика моменты: 1) исход первопредка рода в Маньчжурию; 2) работа китайского дедушки-повара у богатого русского купца и 3) напрасный клад дедушки-повара.

Сюжеты «о харбинских дедушках» из семейных меморатов с элементами предания обрастают легендарными подробностями. Устные рассказы превращаются в многосюжетное легендарное повествование, в котором находят воплощение все присущие фронтальному мышлению китайских харбинцев мифологемы – от «Перехода в Гуаньдун» (преодоления границы от дикости – к цивилизации), героизации пассионариев-мигрантов до контаминации этой сюжетики с русскими мифологемами Харбина – причастности к семье генерала Хорвата, владения русским языком, чудесного обретения богатства благодаря китайскому трудолюбию и умению готовить любые блюда; способности избежать несчастливой судьбы благодаря исполнению культа *сяо*.

⁵⁸ 任继愈. 宗教大辞典. 上海, 1998. 1272 页. [Жень Чжиюй. Большой религиозный словарь. Шанхай, 1998. 1272 с] и др.

⁵⁹ Беседа с г-ном Т., 1963 г.р. (урож. г. Харбин), г. Благовещенск, Россия; 18 июня 2018 г. Соб.: А.А. Забияко, Я.В. Зиненко, Чжан Жуян) [ЦИДВЭ АмГУ].

Данный сюжет рассматривается как китайский вариант продуцирования «харбинского текста» устной несказочной прозы. Его реализация протекает по законам китайской модели мифологизации истории с использованием этнически закреплённых матричных текстов⁶⁰, а также мифологизации исторических личностей.

В Приложении представлены фотографии информантов.

Основные публикации автора по теме исследования

Публикации в ведущих рецензируемых научных журналах, включённых в перечень ВАК и список Web of Science и Scopus:

1. Цзюй Куньи. «Харбинский текст» первой половины XX века в устных рассказах харбинцев / Цзюй Куньи // Традиционная культура. – 2019. – Т. 20. – № 4. – С. 120–135 **(ВАК)**
2. Забияко А.А., Цзюй Куньи. Религиозная жизнь Харбина первой половины XX в. в устных историях жителей города (по материалам Н.Н. Лалетиной) // Религиоведение. – 2021. – № 4. – С. 78–94 **(Scopus)**
3. Забияко А.А., Цзюй Куньи. Сюжет о Николае Угоднике в фольклорных текстах жителей Харбина // Религиоведение. – 2022. – № 1. – С. 35–51 **(Scopus)**
4. Забияко А.А., Цзюй Куньи. Рассказы о «харбинских дедушках»: китайская модель создания «харбинского текста» несказочной прозы // Традиционная культура. – 2023. – Т. 24. – № 1. – С. 88–97 **(ВАК)**.

Публикации в других научных изданиях:

1. Зиненко Я.В., Цзюй Куньи. «Мы жили в Харбине, как при царской России»: социокультурные и этнокультурные процессы 10–50 гг. XX в. в сознании дальневосточных эмигрантов // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 11: Исторический опыт взаимодействия культур / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2015. – С. 363–371 **(РИНЦ)**
2. Цзюй Вэй, Цзюй Куньи. Наследие русской и китайской истории (итоги международной выставки «"Модерн": живая душа старого Харбина» г. Харбин, 2017) // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 12: Народы и этнические культуры / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2017. – С. 125–131 **(РИНЦ)**
3. Цзюй Куньи. Образ восприятия Китая и китайцев в меморатах русских эмигрантов // Восточные чтения. Религии. Культуры. Литературы: материалы V международ. науч. конф. (ИМЛИ им. А.М. Горького РАН, г. Москва, 15–16 ноября 2018 г.) / Отв. ред. Е.В. Дьяконова, Н.В. Захарова, В.И. Иванова, Н.С. Фролова. – М.: ИМЛИ РАН, 2018. – С. 288–292 **(РИНЦ)**

⁶⁰ Подробнее см.: Забияко А.П. Мифологизирование истории // Культурология. XX век: энциклопедия. СПб., 1998. Т. 2. С. 54–55.

4. Цзюй Куньи. Общее наследие русской и китайской истории // Молодежь XXI века: шаг в будущее: материалы XIX регионал. науч.-практ. конф. (ДальГАУ, г. Благовещенск, 23 мая 2018 г.). – Благовещенск: Изд-во ДальГАУ, 2018. – С. 115–116 **(РИНЦ)**
5. Цзюй Вэй, Цзюй Куньи, Забияко А.А. Русский Харбин в воспоминаниях дальневосточных эмигрантов: мемуары vs. меморат // Любимый Харбин – город дружбы России и Китая: материалы междунаро. науч.-практ. конф. (Харбин, 16–18 июня 2018 г.) / Под ред. А.М. Буякова, С.Ю. Еремина, А.А. Забияко, И.К. Капран, М.Б. Сердюк. – Владивосток: Изд-во ВГУЭС, 2019. – С. 200–213 **(РИНЦ)**
6. Цзюй Куньи. Образ Харбина в меморатах русских эмигрантов в Австралии // Россия и Китай на дальневосточных рубежах. Вып. 13: Народы и этнические культуры / Под ред. А.П. Забияко, А.А. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2020. – С. 391–401 **(РИНЦ)**
7. Забияко А.А., Цзюй Куньи. Образы восприятия инокультуры в устной истории жителей Харбина первой половины XX в. // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Томск, 6–9 июля 2021 г.) / Отв. ред. И.В. Нам. – М.; Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. – С. 213 **(РИНЦ)**
8. Zinenko Y.V., Kunyi Ju. Harbin image in the memories of its inhabitants // European Proceedings of Social and Behavioural Sciences. – 2021. – Vol. 107. – P. 1791–1796. DOI: 10.15405/epsbs. 2021.05.237 **(РИНЦ)**
9. Землянская К.А., Цзюй Куньи. «Старого Харбина уже нет, я не хочу память свою теревить»: образ современного Харбина в устных историях русских эмигрантов Австралии // XIV Конгресс антропологов и этнологов России: сб. материалов (Томск, 6–9 июля 2021 г.) / Отв. ред. И.В. Нам. – М.; Томск: Изд-во Томского гос. ун-та, 2021. – С. 213 **(РИНЦ)**
10. Забияко А.А., Цзюй Куньи. Устные истории в изучении повседневной культуры и фольклора старого Харбина // Русский Харбин, запечатленный в слове. Вып. 9: 125 лет начала строительства КВЖД. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2022. – С. 68–85 **(РИНЦ)**
11. Забияко А.А., Цзюй Куньи. Легенды о Николае Угоднике – харбинском заступнике // Забияко А.П. Легенды старого Харбина. Исторический путеводитель / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2022. – С. 49–53 **(РИНЦ)**
12. Забияко А.А., Цзюй Куньи, Я.В. Зиненко, Е.А. Конталева. Религиозная жизнь русского Харбина // Легенды старого Харбина. Исторический путеводитель / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2022. – С. 64–75 **(РИНЦ)**
13. Забияко А.А., Цзюй Вэй, Цзюй Куньи. «Модерн» – живая душа старого Харбина // Забияко А.П. Легенды старого Харбина. Исторический путеводитель / Под ред. А.П. Забияко. – Благовещенск: Изд-во АмГУ, 2022. – С. 94–99 **(РИНЦ)**